

П. Н. ПЕТРОВ

Екатерина II — законодательница

<...> Ее царствование, продолжительность которого — 34 года, — дало возможность монархине создать, так сказать, и вызвать к деятельности средний класс народа. Тогда начиналась благотворительная реакция в пользу прогресса, уже не воображаемого, существующего не на бумаге только, а на самом деле и оставляющего в результате благосостояние страны, даже при более неблагоприятных обстоятельствах, чем наше отечество находилось в эпоху вступления на престол супруги Петра III.

Расскажем, словами самой Екатерины, положение государства за первые пять лет всюду проникавшего, как и при Петре I, ее управления. Первое, что нашла она, это — запутанность финансов; армия, действовавшая в Пруссии, не получала жалованья за $\frac{2}{3}$ года; на 17 млн руб. состояло по статс-контуре не выданных по указам денег; векселя почти не обращались; торговля находилась в монополии нескольких капиталистов; денег во внутреннем обращении было 60 млн руб., двенадцати разных весов (серебро от 82—63 пробы, медь 40—32 руб. в пуде). Не существовало заграничного кредита, внутри между тем являлось иногда непослушание власти со стороны крестьян монастырских и заводских, к которым стали было присоединяться и помещичьи¹.

Прибавим к этому, что сенатские указы исполнялись до того слабо, что посылка третьего указа вошла даже в поговорку. Воеводам и канцеляриям при них не производилось жалованья, а оттого уничтожить взятки, о чем неоднократно посылались строгие указы, было делом неисполнимым на практике, так как приказным разрешено было *кормиться от дел*. Еще любопытный факт, в существовании которого могли бы мы усомниться, если бы не передавала его сама Екатерина II. Когда потребовала она в Сенате реестр городов, ей принуждены были

признаться, что таких реестров не существовало, и, делая распоряжения свои, Сенат не руководствовался даже картою России, за неимением ее. «Я, — говорит по этому случаю императрица, — быв в Сенате, послала пять рублей в Академию наук, и купленный там Кирилловский печатный атлас в тот же час подарила правительствующему Сенату»². В другой раз, по возвращении с коронации присутствуя в Сенате и слыша, что для проведения ревизии полагали ассигновать до 800 тыс. руб. потому только, что так всегда делалось, Екатерина II предложила, в виде своего мнения, чтобы опубликовано было о высылке из каждого селения в воеводскую канцелярию сведений о числе душ и чтобы воеводские канцелярии пересылали их от себя в губернии, а оттуда доставлялись сказки в Сенат — так что прежняя посылка войск, возникновение следственных дел, побегов в Польшу и все, что влек за собою старинный порядок ревизии, — совершенно устранилось. Генерал-прокурор Глебов³ все, что предложено было императрицею, облек в законную форму; с тех пор «и до днесь ревизии так делаются в каждом уезде без наряда и убытка», — заключает монархиня. Этот случай как нельзя более доказывает светлый взгляд Екатерины II и быстроту ее соображения, для которого не предстояло непобедимых трудностей; такова оказалась она и во всем, на что приходилось ей обращать внимание свое по ходу событий. Беспokoйства, например, в монастырских имениях заставили учредить коллегию экономии для управления церковными имениями (указ 12 мая 1763 г.)⁴, и мы знаем, что в результате оказалось уничтожение монастырских крестьян — мера передовая; при других обстоятельствах могло последовать веком раньше и полное уничтожение крепостного права.

Известно, что князь А. В. Вяземский и А. И. Бибиков, посланные из Москвы для разбора жалоб заводских крестьян, могли успокоить волновавшийся край только тем, что самые людные заводы под разными предложениями поступили в казенное управление. При этом самым наглядным образом открылся вред от раздачи Сенатом заводов в частное управление. Исследования Вяземского и Бибикова раскрыли еще одну горькую истину — беспорядки у инородцев вследствие лихоимства чиновников казанской канцелярии. Злоупотребления чиновного класса в отдаленных краях доходили до того, что в Сибири некто Коптяжев «не давал без мзды жалованья нижним чинам», а на бывшего перед тем в Симбирске воеводою князя Назарова дворянство выражало неудовольствие за то, что он лично, сам «старался заводить между дворянством ссоры» для пользования

взятками, а «по воровским делам (делал) разные прометки и разорения до самой крайности с мучительством». В это же время московский генерал-губернатор граф Салтыков⁵ доносил о буйстве и грабительстве президента орловского магистрата Дубровина, который имел целую шайку грабителей и с помощью внушаемого ею страха оставался в должности после своего отрешения от нее, продолжая разорять частные фабрики и даже угрожая самому воеводе, так что для взятия его требовалась посылка кирасирского полка. Бессилие власти административной в городах естественно не могло ослабить произвола помещиков в селениях, а это была первая причина волнений на Востоке России и побегов в Польшу в западной полосе. Замечательно по этому делу мнение, поданное П. И. Паниным. Он прямо указывает на злоупотребление властей: духовной — относительно раскольников, помещичьей — в отношении крестьян своих и чужих, и административной в разных видах самоуправства вообще.

Скажем еще раз, что донесения Вяземского и Бибикова и мнение Панина наводили, так сказать, императрицу на мысль, занимавшую ее долго и обсужденную с разных точек. Путешествие же по России разом открыло ей много таких сторон, о которых ей даже никто не намекал. Восторг народа, в первый раз увидевшего в лицо государыню, был так велик, что, казалось, представлял надежную опору в могущем последовать перевороте. Она сама писала в 1767 г. из Казани Панину: «Прием мне отличный; если б дозволила, они б себя вместо ковра постлали, а в одном месте на дороге мужики свечи давали, чтоб передо мною поставить, с чем их прогнали»⁶. В другом же письме, поверяя собственные впечатления, выражается: «Отселе выехать нельзя, столько разных объектов, достойных взгляду. <...> Они (вероятно, разумея местную администрацию) извели народу бесчисленного, которого состояние шло до тех пор к исчезанию, а не к умножению; таково ж и с имуществом оного поступлено»⁷.

Путешествие утвердило как нельзя более императрицу в ее благих предначертаниях, на первый раз об улучшении законов, чем занималась она, как сама выразилась, уже два года, «следуя единственно уму и сердцу своему, с ревностнейшим желанием пользы, чести и счастья империи, и чтоб довести до высшей степени благополучия всякого рода живущих в ней, как всех вообще, так и каждого особенно». Когда труд уже значительно подвинулся, Екатерина II стала по частям читать свой «Наказ» доверенным лицам; между прочим — Орлову и Пани-

ну. На первого премудрый «Наказ» не произвел никакого впечатления; второй выразился категорически: «Ce sont des axiomes à renverser des murailles». Кого разумел он под словом *стены*, мы сейчас увидим. Говоря вообще, немного было людей и из приближенных к престолу, способных войти в виды законодательницы. Одно из самых светлых положений ее — бесполезность пыток почему-то встречено было особенным противодействием, так что нашлись люди, доказывавшие, конечно, наивно-младенческими доводами надобность их, хотя *в необходимых случаях*. Один из таких случаев привел некто Баскаков, слушая «Наказ». — «Разбойник, погубив хозяев дома, вынес такую вещь, которую ему одному вынести никак было нельзя, и между тем говорит, что товарищей у него не было». Как обойтись тут без пытки? Замечание государыни: «Казус не казус, где человечество страждет»⁸, осталось им, вероятно, непонятным. Это-то и были *стены*, которые, однако, по мнению Панина, могли быть пробиты светлыми идеями Екатерины. Такая личность, как Баскаков, впрочем, не должна нас удивлять, когда припомним, что писал самый либеральный, передовой человек — драматург А. П. Сумароков, которого мнение о «Наказе» своем желала слышать Екатерина II.

Мы говорили уже, что Екатерина крепко подумывала об освобождении крестьян, и вот, ища поддержки собственному мнению, она обратилась к Сумарокову, конечно, рассчитывая услышать от поэта всего скорее человеческое решение, особенно когда им же высказано было, что «вольность и короне, и народу больше приносит пользы, чем неволя». Но и Сумароков, несмотря на горячую любовь к родине и соболезнование о ненормальности на каждом шагу отношении между классами общества, все же написал: «Сделать русских крепостных людей вольными нельзя: скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея иметь не будут, а будут ласкать слуг своих, пропуская им многие бездельства, дабы не остаться без слуг и без повинующихся им крестьян, и будет ужасное несогласие между помещиков и крестьян, ради усмирения которых потребны будут многие полки, непрестанная будет в государстве *междоусобная брань*», и вместо того, что ныне помещики живут покойно в вот-

* Осторожный Болтин выразился хотя не в пользу освобождения крестьян, но ужасов не представлял, находя «выполнение этого требующим» только «по обширности и положению Российской империи еще гораздо более мудрых и благовременных мер, прилежного рассмотрения, опасного внимания и рассуждения»⁹.

чинах (и бывали зарезаны отчасти от своих — возразила Екатерина), вотчины их превратятся в опаснейшие им жилища, ибо они будут зависеть от крестьян, а не крестьяне от них. Примечено, что помещики крестьян, а крестьяне помещиков очень любят, а наш низкий народ никаких благородных чувств не имеет». На это Екатерина ничего другого, конечно, не могла заметить, как сказав слова, заключающие в себе пророческий смысл: «и иметь не может в нынешнем состоянии». Горькая будущность отчизны не смутила поэта, и он еще прибавил несколько любопытных, для нас особенно, взглядов. Между прочим, тут написал он: «Продавать людей, как скотину, не должно, но *где же брать, когда крестьяне будут вольны?* И только будут к опустошению деревень: холопей набери, а как скоро чему-нибудь его научишь, так он и отойдет к знатному господину, ибо там ему больше жалованья, и дворяне учат людей своих брить, волосы убирать, кушанье варить и проч. И так всяк будет тратить деньги на других, выучивая. Малороссийский подлый народ от сей воли почти несносен». Такая уже чересчур наивная выходка вызвала заметку Екатерины, что Сумароков хороший поэт, но «связи довольной в мыслях не имеет, чтобы критиковать цель, и для того привязывается к наружности колец», ее составляющих. Объясняя далее возможность устранения кажущихся затруднений, прозорливая государыня намекнула и на то, что достижение надлежащих результатов не зависит также частью от законодательства, задача которого, как и тех, для кого законы пишутся, будет так поставить дело, чтобы прямая истина «сама себе вреда не нанесла» и не от добра отвращенье, а к нему «привлечение сделала». Эту-то задачу давно предложила себе Екатерина, принимаясь за свой «Наказ», и, конечно, лучше всех сознавала возможность и невозможность привести в исполнение то или другое. Не потеряем из вида и того, что судить о труде Екатерины мы не можем вполне беспристрастно, потому что он напечатан далеко не в таком виде, в котором вышел из-под пера ее. Сама монархиня признается, что перед торжественным открытием собрания депутатов она собрала в Коломенском дворце «разных персон вельми разномыслящих», дабы выслушать заготовленный «Наказ» комиссии уложения. «Тут при каждой статье родились прения». Начертательница дала волю «чернить и вымарывать все, что хотели», так что «более половины из того, что писано было ею, помарали». Зная сердце и ум Екатерины II, мы можем сожалеть об этих помарках и даже соболезновать, что законодательница не отстаивала своего мнения, в чем также руководилась

высоким побуждением: не делать в законодательстве резких перемен и не отменять уже раз объявленного; а все вести исподволь. Мы видели уже, что не по своей воле государыня не уничтожила пыток, а крепостное право оставила просто по неимению поддержки ни в одном голосе общественного мнения, имея против себя все сколько либо развитое, целое население (в главе которого должны мы поставить и Сумарокова). Между тем дальнорукость Екатерины уже угадывала грустную развязку реакции в лице Пугачева, почерпнувшего всю силу для своего противодействия, как и Разин в XVII в., — в крестьянстве помещицъем, которому обещал освобождение.

Обе приведенные нами и в наших глазах основные идеи прогрессивного законодательства, таким образом, оказались ранними; но зато сколько действительно прекрасного и человеческого, за исключением их, нашло благоприятный выход и принесло плоды, воспитав поколение лучшее, чем предшествовавшие. Законодательство Екатерины, высказавшейся в своем «Наказе», создало школы и городское состояние как противодействие крепостничеству, которое осталось несломленным. В видах обзора возникновения этих несомненных признаков здоровых начал общественного строя, займемся эпизодом созвания депутатов, обзором предъявленных ими местных требований, видов Екатерины в «Наказе» и следствий депутатского собрания — специальных учреждений.

Почти врасплох, т. е. когда никто не был приготовлен к принятию и обдуманию предстоявших мер, застал всех манифест 14 декабря 1766 г.¹⁰ Манифестом этим повелевалось «прислать» из Сената, Синода, коллегий, канцелярий; уездов и городов империи «в Москву депутатов не только для того, чтобы от них выслушать нужды и недостатки каждого места, но и допущены они быть имеют в комиссию, которой дадим наказ и обряд управления для заготовления проекта нового уложения». При манифесте приложено было положение о депутатах, — «откуда прислать» их. Здесь говорилось, что высылают по одному депутату, имеющему не менее 25 лет от роду: высшие правительственные места и канцелярии, дворяне от уездов, горожане от каждого города, однодворцы, служилые люди, государственные черносошные и ясачные крестьяне и оседлые инородцы — от каждой провинции, сословия и народа; казаки же от команд. Депутаты, кроме жалованья по состояниям*, пользовались осво-

* Дворяне — по 400 руб. в год, горожане — по 128 руб., прочие — по 37 руб., а потом, с сентябрьской трети 1767 г., — по 50 руб. в год.

бождением от телесного наказания, пыток и смертной казни, а имения их, кроме долгов, от конфискации; для отличия депутаты получили особый знак. Выбор депутата из дворян положен баллотированием на съезде помещиков целого уезда, по предварительном выборе, большинством же голосов, уездного предводителя дворянства. Предводитель снабжался от дворянства письменным формальным полномочием и по принятии присяги всеми участвовавшими в собрании оно выбирало депутата для сочинения проекта нового уложения. По выборе, и он снабжался полномочием, в том, между прочим, чтобы «ему общие челобитья и представления, также усмотренные — общие недостатки и нужды представить, где надлежит». В «нужды» эти постановлено, однако, «не вносить никаких партикулярных дел, а только общественные отягощения и нужды, в чем бы оные ни состояли». Полномочие это могло быть дано только на 2 года, а по истечении их, если желали оставить то же лицо, следовало возобновить его. Та же форма выбора оставлена и для прочих сословий. <...>

Принятые обязательные миры для явки сословий привели к цели — выборам депутатов и приезду их к июлю месяцу 1767 г. в Москву, где последовало торжественное открытие заседаний комиссии уложения. По совершении путешествия по Волге до Казани приехала в Москву и Екатерина II. Облеченная в императорские регалии, слушала она 30 июля 1767 г. (в понедельник) литургию в Успенском соборе. Туда же, по вступлении в храм императрицы, введены были и депутаты по два в ряд, в предшестве генерал-прокурора князя А. В. Вяземского, державшего в руке маршальский жезл. После литургии был молебен, в заключение которого Гавриил, епископ тверской, обратил к депутатам слово о предстоящих обязанностях и святости их призвания. Напутствованные теплым словом витии, депутаты «целовали крест и евангелие и подписывались под присягою». Тем временем императрица из собора прибыла в аудиенцкамеру кремлевского дворца, куда по окончании присяги генерал-прокурор, приведя депутатов, расставил их по порядку, назначенному положением. Здесь от лица всего собрания депутат от Синода, Димитрий (Сеченов) митрополит Новгородский говорил императрице приветствие, на которое отвечал, именем государыни, вице-канцлер князь А. М. Голицын. «По сем, — гласит современное описание, — Ее Императорское Величество соизволила вручить генерал-прокурору обряд о управлении комиссиею, о сочинении проекта нового уложения, наказ генерал-прокурорский и большой наказ комиссии о том же, а напоследок

всех депутатов, коих с лишком 400 * человек было, соизволила ее Величество допустить к руке, потом возвратиться в Головинский дворец, куда по прибытии изволила приходить во внутренние свои апартаменты, где как обеденное, так и вечернее кушанье кушать соизволила». На следующий день (31 июля) происходило первое заседание комиссии и на нем выбраны три кандидата (граф И. Г. Орлов, граф З. Г. Чернышев и А. И. Бибилов) — на должность маршала собрания депутатов. Императрица на представлении о том 2 августа надписала: «утверждаю предводителем депутата Александра Бибилова», которого, по всей вероятности, имела в виду раньше, так как поручала ему составлять обряд управления комиссиею и указы генерал-прокурору и маршалу. Зная предшествовавшую деятельность Бибилова, нельзя не сказать, что выбор его был действительно удачный; именно такой человек и мог быть руководителем стольких разнородных интересов и способен был вести дело, не давая ему застаиваться. В речи, произнесенной при вручении ему жезла, Бибилов, с одной стороны, ясно показал, насколько вошел он в виды монархини, и относительно обязанностей депутатов выразил, что он не сомневается, чтобы они к своему долгу «не были ревнительны, когда собственное наше и потомков наших благо к тому нас влекут». Бибилов и генерал-прокурор Вяземский были первыми лицами, без которых не было собраний, даже частных. Графу А. П. Шувалову поручено ведение дневных журналов; при нем в качестве письмоводителя состоял М. Л. Кутузов, впоследствии князь Смоленский¹¹.

Началось чтение «Наказа». Пораженные духом законодательства Екатерины, депутаты единогласно решили (9 августа) поднести законодательнице титул *Великой, Премудрой и Матери Отечества* и для того испросили торжественную аудиенцию (12 августа).

Это было воскресенье. После обедни, окруженная блестящим двором своим, в малой короне и императорской мантии, Екатерина, предшествуемая маршалами с жезлами и последуемая наследником, пришла в аудиенц-камеру, где уже ждали ее депутаты, «стоящие по правительствам». Лишь только села на трон монархиня, как маршал Бибилов начал свою речь обращением «Всемиловитейшая государыня!», но тут же смешался — так величественна была в эту минуту Екатерина II, всегда милостивая к нему и ко всем. Впрочем, вычисляя благодетельные постановления и заботливость об общем благе венценосной со-

* 450; 122 не явились ко дню присяги.

ставительницы «Наказа», маршал поправился; заключение речи составляло общую просьбу: «Благоволи, Великая государыня! Да украшаемся мы пред светом сим, нам славным титулом, что обладает нами Екатерина Великая, Премудрая мать Отечества. Соизволи, всемилостивейшая государыня, принять сие титуло как приношение всех верных твоих подданных, и приемля оное, возвеличь наше название; свет нам последует: наречет тебя материю народов». В ответ говорил в официальном тоне вице-канцлер, к речи которого сама Екатерина прибавила: «О званиях же, кои вы желаете, чтоб я приняла, отвечаю: *Великая* — о моих делах оставляю времени и потомкам беспристрастно судить; *Премудрая* — никак себя назвать не могу, ибо один Бог Премудр; *Матерь Отечества* — любить Богом врученных мне подданных я за долг званья моего почитаю и быть любимую от них есть все мое желание»¹².

Впрочем, восхваления достоинств императрицы не были остановлены ее знаменательною речью, и присутствуя не раз невидимую зрительницею занятий комиссии, она, при возобновлении похвал, выражала неудовольствие в присылаемых на клочках бумаги письмах к Бибикову в таком роде: «Я им велела делать рассмотрение законов, а они делают анатомию моим качествам». Иногда излишнее усердие Бибикова к понуждению государственных представителей вызывало замечание: «Бога для не спешите, оставить дело на столе и взять время, ибо скажут, что вы их приневоливаете». Между тем, не желая оставлять в неведении публику о деятельности комиссии, Екатерина желала печатать время от времени в газетах известия о том и для руководства составителю ежедневных записок присылала английские журналы. Заметив, что при горячих прениях проходит время в толках об одном и том же, от 13 июля 1768 г. прислала девять параграфов правил о порядке оппозиции и защиты проектов узаконения. Это было действительно необходимо как по многообразию интересов общих, так еще более частных, при рассмотрении частных требований особых народностей, например, депутатов лифляндских и малороссийских, из которых каждые, действуя в духе данных им наказов, настаивали на сохранении своих старинных привилегий, которые должны были, в видах централизации, уступить общим интересам государственным, что не теряла из вида законодательница. Заметим при этом кстати, что интересы страны, видимо, иногда расходились с интересами административных органов того места. Стоит указать на сохранившуюся инструкцию, данную из малороссийской коллегии депутату Наталину, и опровержение

ее от депутата Полетики. Такая разность во взглядах, по нашему мнению, могла родиться, при равном стремлении с обеих сторон к улучшению быта и возвышению благоденствия страны, от различия взглядов: административно-бумажного коллегии и практического Полетики; помирить их не было возможности, несмотря на то, что в каждом была своя доля правды и, стало быть, нейтральная почва, на которой могли сойтись они. То же, только с большим непониманием истинных общих выгод, заключали в себе и другие наказания депутатам, разветвлявшиеся в тонкости, и частные вопросы, привести которые к общему знаменателю нельзя было иначе как с уступками и требованиями, и законодательства, что последнее охотно принимало, но первые не допускали. Этим на первых же порах усложнилась задача комиссии, и едва ли не эта причина была самою главною помехою к совершению возложенного на депутатов труда, для некоторых из них не по силам. Посмотрим, каковы, в самом деле, были возникнувшие вопросы, начиная с административных мест до сословия земледельцев.

Депутаты правительственных мест вошли с требованиями, настолько же несвободными от мелочей, как и сословия. Представляя, например, о разрешении покупки крепостных людей священникам и прочим церковным причетникам, в то же время поднимали вопросы об учинении монашеских недвижимых имений коронными и об установлении к пропитанию монахов доходов, о вступлении всяким чином в духовные и из духовных в светские и об освобождении священников от неприличных работ. Заботясь «об установлении закона к *приведению* разного звания народа *в содружество*», считали нужным ввести постановления «о нестрелянии из ружей и других машин внутри жильев и о *неношении никакого оружия подлomu народу* при себе»; также «о учинении закона, как поступать в случае того, *когда от побой помещиков* случится людям смерть?». Считая нужным «ревизию и отличие граждан *добродетельных*», решали вопрос «об отдаче должников за долги для зарабатывания партикулярным людям, *в случае неприемки для отсылки в каторгу*».

Дворянство, представляя о назначении жалованья ученым священникам, продаже церковных земель и обучении причетниками грамоте крестьянских детей, учреждении по городам дворянских школ, банков, хлебных казенных магазинов, аптек и лекарей, цехов и фабрик, ходатайствовало «о произведении по-прежнему пыток вора́м, разбойникам и смертоубийцам», «о установлении строжайшего закона к удержанию крепостных же-

нок и девок от побегов» и о бытии у помещиков в послушании женам отданных в рекруты, равно «запрещении» не дворянам «иметь хутора, хлебопашество и мельницы». Требовали даже запрещения «на выгонных городских землях сеять хлеб» и «об умножении суммы оных, кои пожелают быть в купечестве». Со своей стороны, горожане, принимая к сердцу горячо интересы веры, подавали предложения: «о штрафе с неисповедавшихся, о поступлении желающих в монашеский чин, об отдаче архиерейскому дому с монастырями отшедших от них хлебопашных земель», о выводе раскольников, живущих по городам «между православными, в рассуждении чинимого ими в обществе соблазна и неотправлении гражданских служб, и о поселении оных в особых местах». Тут же рядом, однако, стоит и ходатайство «о позволении возвратившимся из Польши и Турции раскольниковым попам, монахам и монахиням в часовнях и в церквах отправлять службы по старинным книгам»; такая непоследовательность может объясниться разностью местностей, из которых поступили представления.

Обращаясь от интересов духовных к своему кругозору и среде, горожане просили «о праве и преимуществе российского купечества, о неназывании оногo непристойными словами и дозволении первостатейным носить шпаги, о нечинении военнослужащим людям никаких обид и побой купечеству и о платеже денег за забранные товары, о нечинении купечеству от крестьянства в уездах никаких обид и за чужие долги грабительств, о правосудии и скорейшем решении дел во всех присутственных местах по просьбам от купечества, о покупке священно- и церковнослужителям, купечеству и разного звания людям крестьян и дворовых людей»; и тут же «о запрещении духовному чину в покупке земель». Переходя от личности к общине, горожане предъявили требования о выборе на всегдашнее время вообще всеми гражданами головы, о выборе из купечества особых депутатов и о дозволении оным входить во все присутственные места по делам купеческим, о незабирании насильно к суду в присутственные места градских жителей без повесток, о пресечении роскоши и невыписывании в Россию никаких иностранных вещей, об учреждении государственного банка, о бытии ревизии, как прежде, по дворам; о выключении вместе с дворянами купечества и разного рода людей из податного оклада и увольнении от рекрутского набора; об учреждении городского суда; о «бытии полиции в городах в ведении магистратов и ратуш, о небытии в городах особой сыскной команды и (также) о препоручении ее магистратам». Заботясь

о неотдаче в монополию никаких промыслов и товаров, представляло городское сословие «об уменьшении судов и штрафе судей», также «о непринуждении купечества к бритью бород и ношению немецкого платья» и «об учинении запрещения, чтобы никто не дерзал ругать иноверных законов».

Нельзя не сочувствовать многим из требований, выраженных горожанами, а в особенности последним из вышеприведенных пунктов, показывающим настолько же человеческое воззрение, как и требование «об учреждении в городах академий, университетов, школ и обучения в оных разным языкам», не одного сословия их, как представляли от себя дворяне, но с купеческими и «разночинских детей и сирот».

Из обзора пунктов, представленных однодворцами и хлебопашцами*, мы выберем самые крупные, например, «об уменьшении пятилетнего срока воеводства и о *перемене воевод и секретарей по просьбе уездных жителей, о выборе судей всем обществом всего уезда* и определении в присутственных местах, для скорого отправления дел уездных жителей, особливых членов, также об определении для разбирательства дел между обывателями старшин по выбору их и о небытии ни по каким делам, кроме подушного оклада, ведомым в присутственных местах».

Нежелание иметь дело с присутственными местами, введение в них депутатов от сословий и с особенною заботливостью придумываемые меры к поправлению дела правосудия лучше слов доказывали необходимость пересоздать приказное сословие и всю систему воеводского управления. Ярославский депутат князь М. Щербатов, в мнении о способе прекратить взяточничество, предложил, например, придавать в товарищи воеводе выбранных уездным дворянством двух или трех депутатов, имевших бы участие, особенно по земским делам. Мы можем с основательностью заключить, что предложение Щербатова имело влияние на проект губернских учреждений, опубликованных ранее других специальных учреждений Екатерины и прежде других вошедших в законную силу. <...>

При самом открытии общих заседаний громадность представленных депутатами материалов потребовала учреждения

* Все пункты и интереснейшие подробности о комиссии уложения заимствовали мы из статьи С. С. Соловьева «1767 год», напечатанной в «Русском вестнике» (Т. XXXV. С. 303—340), как единственного источника, после Полного собрания законов, «Наказа» и сочинений Екатерины II.

особой комиссии «о разборе наказов и проектов», которая и учреждена накануне поднесения императрице титулов (11 августа 1767 г.). Настоятельность в руководстве и распределении предметов для обсуждения высказалась в учреждении комиссии дирекционной (20 августа) и экспедиционной (27 августа). Первый вопрос, при распределении дел, потребовал разъяснения сословных преимуществ, что возложено на комиссию «о разборе родов государственных жителей», учрежденной 11 сентября. Поднятие вопроса об улучшении органов суда и расправы определяется заведением отдельной комиссии «о юстиции» (24 сентября). Разбор прав по преимуществу потребовал особой комиссии «о имениях вообще» (учреждена 19 октября), а за нею еще комиссии «о среднем роде людей» (18 октября), под чем разумелись городские сословия и разночинцы.

Двор между тем переехал в Петербург, и сюда же переведена комиссия об уложении, открытая в новой столице, тоже торжественно, 3 февраля 1768 г. Общие вопросы породили более ближайшие деления, начавшиеся с образования комиссии «о полиции» (учреждена 20 марта 1768 г.), за нею следовала непосредственно «комиссия о городах» (учреждена 10 апреля). Спихнулись, что различные взгляды на общие интересы по сословиям могут не устранять прежде замеченных уже противоречий, и для наследования этого создалась новая комиссия «для остережения противоречий между воинскими и гражданскими законами» (учреждена 29 апреля). Система вызывания поощрениями сил народных, забытых при прежнем управлении, имела влияние на формировку особой комиссии «о размножении народа, земледелия, домостроительства и проч.» (учреждена 13 мая), а вместе с нею для выяснения и улучшения финансовых теорий, состоялась комиссия «о образе сборов и расходов» (в тот же день). Составление специальных уставоположений, требовавших людей, знакомых с теориею и практикою горного, лесного дела, торговли и проч., поручено комиссии «о рудокопанию, растении и сбережении лесов и о торговле вообще» (учреждена 21 мая). Спорный вопрос об общественном призрении и образовании породил вдруг (27 мая) две комиссии: «духовно-гражданскую» и «о училищах призрения требующих». Улучшение внутренних сношений, вопрос о которых начинал занимать все состояния, породил комиссию «о почтах и гостиницах» (учреждена 3 июня). Обсуждение же частных вопросов о требуемых льготах и правах, соблюдении и нарушении условий возложено на комиссию «о разных установлениях, касающихся до лиц» (учреждена 5 июня) и «обязательствах»

(13 июня). Наконец, возникла (22 сентября 1768 г.) последняя, 19-я комиссия «о общем праве».

<...> Обозрим для полноты самый «Наказ» Екатерины, из которого видно будет, как высоко стояла она в идеях о потребности общего благосостояния. Отделив в «Наказе» постановления, составляющие, так сказать, рамки, скелет государственного тела, мы получим из всего остального полную картину, как глядела монархиня на подданных, видя в них людей.

Законы признает она равными для всех, и свободу определяет фразу «право все то делать, что законы дозволяют»... а не дозволяют они только *вредного* «или каждому особенному или всему обществу», потому под хорошими законами понимает только такие, которые в подданном производят уверенность, «что он ради собственной своей пользы стараться должен сохранить (их) нерушимыми». Определяя, что «законоположение должно применять к народному умствованию», Екатерина признает, что и для лучших законов следует приготовить умы; только не следует это приготовление ставить в отговорку. Разделяя закон от обычая, она не советует обычаи отменять законами, а исправлять ими только вред, от законов же происходящий. Перемене же обычаев оставить все вошедшее в обычаи, а изменение их зависит от усиления обоюдных сообщений между народами. «Закон, — говорит далее Екатерина II, — не происходит единственно от власти» и вещи «между добрыми и злыми средние по своему естеству не подлежат законам». Всякое наказание, которое «не по необходимости налагается, есть тиранское», потому что «умеренность управляет людьми, а не выступление из меры». Преступления разделяет она на два главные рода: нарушающие безопасность жизни граждан или только спокойствие их. Только в первом случае имеют место казни, во всех же других видах — меры предохранительные и исправительные. Умеренность наказаний скорее, по мнению ее, приводит к цели, чем жестокость, правда, сильно поражающая воображение в начале, но потом страх уменьшается, так что приходится устанавливать «во всех случаях другое». Убеждая последовать «природе, давшей человеку стыд вместо бича», Екатерина говорит в «Наказе»: пускай самая большая часть наказания будет «бесчестие, в претерпении наказания заключающееся». От суровости, говорит она далее, по уврачевании зла «порок в общенародии остается; умы народа испортились: они приобвыкли к насильству». Уврачевать это полагает она «непрерывным продолжением благополучия и сладкого спокойствия»; в заключение же решает, что «все наказания, которыми тело человеческое изу-

родовать можно, должно отменить». В главе IX о производстве суда вообще говорится: «Власть судейская — для того, чтобы сомнения не было о свободе и безопасности граждан»; что «ответчика должно слушать не только для узнания дела, но и для того еще, чтоб он себя защищал», «защищать» же, далее говорится, «значит не что иное, как представлять суду в пользу ответчика все то, чем его оправдать можно». Кто не согласится в глубоком знании законодательницею сердца человеческого, читая положение: «употребление пытки противно здоровому естественному рассуждению» (123) или «делати присягу чрез частое употребление весьма общею не что иное есть, как разрушать силу ее» (125). «Хотите ли предупредить преступления? — сделайте, чтоб законы меньше благодетельствовали разным между гражданами чинам, нежели всякому особо гражданину (243); сделайте, чтоб люди боялись законов и никого бы, кроме их, не боялись (244). Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтобы просвещение распространилось между людьми (245)».

От общих, кратких начал законодательства переходя к условиям чисто местным, в главах XII—XVII законодательница касается особенностей отечественного быта. Остановившись на мысли о малом населении России, сравнительно с пространством, Екатерина прямо относит вину этого к бедности родителей и дурному обращению с детьми в крестьянстве, отчего умирают $\frac{3}{4}$ детей, не достигнув совершеннолетия. Держание крестьян на оброке 1—5 руб. с души (что по времени было страшною цифрою) полагает Екатерина одною из причин *уменьшения народа и земледелия*. Для устранения этого она находит нужным обязать владельцев в расположении поборов действовать с большим рассмотрением. При этом как разительную, дошедшую до нее подробность приводит она: «а ныне иной земледelec лет пятнадцать дома своего не видит, а всякий платит помещику свой оброк, промышляя в отдаленных от своего дома городах, и обходя по всему почти государству» (271). Грустное положение простолюдинов привело законодательницу к двум верным выводам: везде, где есть место, в которых могут жить, «тут люди умножаются» (274), и «люди не для иного чего убоги, как только, что живут под тяжкими законами, и земли свои почитают — за предлог к удручению... сами для себя не имеют пропитания; так как им можно подумать от одного уделить еще своему потомству?» (276). Тут же, впрочем, представляя при таких условиях обратное положение — достатка, она рисует черты невежества. Дознано, что «они закапывают в землю деньги свои, боясь пустить оные в обращение; боятся богатыми казаться; бо-

ятся, чтоб богатство не навлекало на них гонения и притеснений» (276). Поставив положение (287), что «воздержание народное служит к умножению оногo», монархиня рассматривает вопрос о сочетании родителями детей и, приведя тут же случай, выведенный из опыта, спрашивает: что «из него выдет, если притеснение и сребролюбие дойдут до того, что присвоят себе неправильным обзором власть отцовскую?» Ответ заключается в мнении: «надлежало бы отцов поощряти, чтоб детей своих браком сочетовали» (намеки, вероятно, на власть помещицью). Чрезвычайно меткое положение встречаем мы далее (глава XIII, о рукоделье и торговле): «не может земледельство процветать тут, где никто не имеет ничего собственного». Предполагая давать награды земледельцам, «поле свое в лучшее пред прочими приведшим состояние», также «и рукоделам, употребившим в трудах своих рачение превосходнейшее» (300 и 301), слова «не худо бы было» показывают, что сама законодательница не была уверена в действительности одних этих средств. Параграфы о воспитании — дополнение к проекту Бецкого, в приложении к частным лицам, конечно, только в главных, основных чертах. Рассуждая о правах дворянства, Екатерина изрекла: «добродетель с заслугою возводит людей на степень дворянства» (363); естественно после этого, что «добродетель и честь должны быть оному правилами, предписывающими любовь к отечеству, ревность к службе, послушанье и верность к государю, и беспрестанно внушающими не делать никогда бесчинного дела». В заключение приведем еще одно положение. «Род людей, от которого государство добра много ожидает, если твердое на добро и поощрении к трудолюбию основанное положение получит, есть средний», — говорит императрица. Мы уже говорили, что этот-то род, или класс, во всех государствах составляющий людей, по преимуществу развитых, обязан Екатерине своим образованием. Правда, постановления Петра I, а в особенности его Регламентом Главного Магистрата, определены классы городских обывателей регулярных (двух гильдий) и просто граждан (посадских — разночинцев), а сообразно классам права и преимущества, но те и другие не более как в форме запретительной и обязательной, тогда как в жалованной грамоте на права и выгоды городам (26 апреля 1785 г.) развившиеся в промежуток времени от Петра городские сословия получили каждое особые права, соответственно значению в государстве.

Видя в грамоте городам разрешение именно вопросов городских депутатов, равно как в учреждении об управлении губерний, — общих для разных состояний, приходим к мысли, что

комиссия уложения, вообще донныне нам мало известная, была совершительницею если не в окончательной форме, данной при публикации, то самой сущности дела, всех этих благодетельных и не одному своему времени соответствующих постановлений. У нас существовали и мнения о несвоевременном собрании депутатов, и от того будто бы происшедшем неуспехе исполнения ими задачи, но слова Екатерины самой снимают этот упрек с комиссии. Законодательница сама признается, что комиссия об уложении подала ей «свет сведения о всей империи, с кем дело имеем и о ком пещись должно; она все части закона собрала и разобрала по материям, и более того бы сделала, ежели бы турецкая война не началась».

Эта ли была причина или другая, во всяком случае общее собрание депутатов распущено 12 февраля 1769 г.

Распущение депутатов, не попавших в частные комиссии, не остановило дела законодательства. В письме к Вольтеру от 3 (14) июля 1769 г. между прочим писала императрица: «Наши законы идут своим чередом, над ними трудящиеся не спешат. Правда, что они теперь не главное у нас дело, но они от того ничего не потеряют. Законы сии позволяют каждому свою веру исповедовать, никого не будут ни гнать, ни убивать, ни сожигать»¹³.

В это время руководителем комиссии был еще А. И. Бибииков, получивший в сентябре поручение объехать Финляндию, так как обстоятельства заставляли Екатерину ожидать скорой войны с Швециею. Победы наши над турками, ожидавшими, начиная войну, других результатов, в 1771 г. давали возможность ожидать прочного мира. Присланная Вольтером статья «о законах» напомнила в это время императрице наше законодательство. «Истинно, государь мой, — пишет она фернейскому пустыннонику, — из сказанного вами большая часть была бы исполнена, когда б султан не объявил мне несправедливой войны, а в нынешних обстоятельствах можно делать одни только проекты в виде отраслей, имеющих впереди составить большое дерево законоположения... Мысли наши так заняты сражениями, что мы не в состоянии к сему великому труду приступить с должным вниманием». В другом письме (22 июля (2 августа) 1771 г.)¹⁴, сказав, что «Наказ» свой «принялась прочитывать», монархиня откровенно признается, что «труд свой употребила не напрасно», и заключает: «признаться, сие уложение, к которому многие материалы заготовляются, а другие уже готовы, наделает мне и еще много трудов, пока оно приведено будет до той степени совершенства, в которой я желаю его видеть; но что до

того нужды, кончить его непременно надобно». Мысль эта не оставляла деятельную императрицу во всю жизнь ее. Сбираясь в 1776 г. в Москву, она писала (29 декабря 1774 г. (9 января 1775 г.)): «через несколько дней поеду я отсюда в Москву, там-то я примусь опять за свою трудную работу законодательства»¹⁵. Это, как известно, было учреждение для управления губерний. Посылая его Вольтеру в 1777 г. в переводе на немецкий язык, Екатерина, между прочим, выражается: «Вы усмотрите, что учреждение не уклоняется от правил, но от них проистекает, вскоре за ними последует устав о доходах, о коммерции, о полиции и проч., кои нас уже с два года занимают; после сего очень легко и удобно будет сочинение уложения».

Интересна и приписка к этому письму: «Забыла я вам сказать: двухлетний опыт доказал нам, что постановленный моим учреждением порядок судопроизводства совершенно истребил ябедничество»¹⁶. При таком выводе императрицы мы позволим себе заметить, что мнение современников было совсем другое и что насмешливые выходки против взяточничества, успешного приютиться и под сению учреждений Екатерины, отнюдь не выводились. И то правда, что виноваты в этом были сами сословия, которым предоставлены права земских городских выборов. <...>

